

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_48

**ДЕТИ И ОККУПАЦИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА
(НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА ЛЮСИ ХОРДИКАЙНЕН)**

Хазов Владимир Константинович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
via1698@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7194-738X1>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей жизни детей и подростков на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941–1944 гг. Цель статьи – определить границы эффективности использования дневниковых записей в процессе реконструкции повседневной жизни детей и подростков в условиях оккупации советских территорий во время Великой Отечественной войны через определение информативных возможностей личного дневника как особого, целостного, сложного и многогранного исторического источника. Выбор в пользу именно этого вида источников был сделан в силу его высокой по сравнению с другими видами источников личного происхождения информативности. Обращение же к источникам личного происхождения как к основному виду источников при исследовании повседневной жизни детей и подростков неизбежен в виду самой специфики проблемы (необходимости анализа частных, «малых» событий, не отражаемых в официальной документации и потребности изучения конкретных реакций и оценок). Анализ подобной информации в сочетании с данными «большой истории» (официальными документами) позволяет выработать многоплановое, объемное и разностороннее видение повседневных практик, реализуемых детьми и подростками в условиях оккупации, а через это вскрыть новые пласты исторической реальности войны, расширить, уточнить, конкретизировать и, в конечном счете, оживить и очеловечить наше понимание Великой Отечественной войны как глобального исторического феномена. В данной работе делается акцент на изучении специфики восприятия больших исторических событий детьми и подростками, пережившими немецко-фашистскую оккупацию и выявлению особенностей восприятия и фиксации ими исторической реальности в рамках личных дневников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эго-источники, повседневность, дети, оккупация, стратегии поведения, исторический источник, военное детство, Ленинградская область, военная антропология

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счёт гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Для цитирования: Хазов В. К. Дети и оккупация: потенциал личного дневника как исторического источника (на примере дневника Люси Хордикайнен) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 48–53. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_48.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**CHILDREN AND OCCUPATION: THE POTENTIAL OF A PERSONAL DIARY AS A HISTORICAL SOURCE
(USING THE EXAMPLE OF LUCY HORDIKAINEN'S DIARY)**

Vladimir K. Khazov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
via1698@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7194-738X>

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of reconstructing the lifestyle of children and adolescents in the occupied territories of the Leningrad region in 1941–1944. The purpose of the article is to determine the limits of the effectiveness of using diary entries when studying the specifics of the lives of children and adolescents under the occupation of Soviet territories during the Great Patriotic War. The direction of the research is to identify the informative possibilities of a personal diary as a special historical source. Personal diaries are highly informative compared to other types of sources of personal origin. The appeal to sources of personal origin as the main type of sources when studying the lifestyle of children and adolescents under occupation is due to the need to analyze private events that are not reflected in official documentation. The analysis of such information in combination with the data of the "big history" (official documents) allows us to develop a multifaceted, voluminous and versatile vision of everyday practices. This article focuses on studying the specifics of the perception of major historical events by children and adolescents who survived the Nazi occupation and identifying the features of their perception and fixation of historical reality in the framework of personal diaries.

Keywords: The Great Patriotic War, ego sources, everyday life, children, occupation, behavior strategies, historical source, military childhood, Leningrad region, military anthropology

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; this work has been supported by the grants the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.

For citation: Khazov V. K. Children and occupation: the potential of a personal diary as a historical source (using the example of Lucy Hordikainen's diary). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 48–53. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_48.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

История Великой Отечественной без сомнения является одной из центральных тем современного российского общественно-политического дискурса. Значительный интерес к этому историческому событию во многом объясняется

той ценой, которую заплатили советские граждане за победу в Войне, теми масштабами жертв и разрушений, которые эта война оставила после себя [10]. Однако крайне важным фактором формирования устойчивого широкого интереса к Великой Отечественной войне у россиян является и осознание глобальных последствий Войны, её прямых и косвенных результатов. В современной России, наверное, не найдётся ни одной семьи, которая бы не была опалена страшным жаром той войны. Но, также не найти ни одной сферы общественной жизни, на которую так или иначе не повлияли бы дискурсы, сформированные или в той, или иной мере не связанные с Великой Отечественной войной [6].

Последнее обстоятельство определяет цель данной работы. Обсуждение различных дискурсивных практик о Великой Отечественной войне непременно ставит вопрос о степени актуальности и информативности исторических источников. Одним из аспектов этой проблемы уже давно стал вопрос о границах использования дневников в качестве исторического источника при изучении истории Великой Отечественной. Цель данной статьи определить эффективность и актуальность использования дневниковых записей для изучения такой сложной и противоречивой темы как жизнь детей и подростков в условиях оккупации советских территорий Ленинградской области в 1941–1944 гг., а также выявить информативные возможности личного дневника в качестве исторического источника для изучения Великой Отечественной войны как целостного, сложного и многогранного явления.

Подобный выбор тематики исследования и постановки проблемы определён следующими соображениями: во-первых, повседневная жизнь детей и подростков на оккупированных территориях Северо-Запада России все ещё остаётся источником множества научных проблем и вопросов и требует комплексного глубокого изучения. Во-вторых, в вопросах методологии изучения личных дневников как исторического источника в последнее время наметились значительные трансформационные процессы, появился ряд эффективных новшеств. Подобного рода новшества требуют активного практического внедрения. В-третьих, написание дневника на оккупированной территории имеет ряд важных особенностей, которые придают данному виду документов особый фронтальный статус.

Последнее утверждение требуется пояснить особо. Ребёнок и подросток – автор такого «оккупационного» дневника (термин вводится нами по аналогии с термином «блокадный» для более концентрированного научного описания, здесь и далее будет использоваться нами в данной работе не для обозначения «дневника оккупанта», а наоборот – как маркер активности советских граждан, оказавшихся в оккупации) остаётся продуктом культуры своей страны (страны, часть которой оказывается захваченной противником), но при этом, помещённым в значительно отличающиеся социально-культурные, политические, экономические условия. Иными словами, авторам «оккупационных» дневников приходится встраивать существующий арсенал навыков, стереотипов, принципов и представлений в систему новых установлений и норм.

В качестве основного материала исследования нами выбран дневник Люси (Юлии Александровны) Хордикайнен (по мужу Кривулиной). Выбор именно этого документа также определён несколькими причинами. Во-первых, Юлия Александровна была представителем семьи старой дореволюционной интеллигенции. Её родственникам приходилось заново вписываться в советскую культуру, в советское общество. Во-вторых, она происходила из семьи ленинградских финнов. Что бы понять это обстоятельство можно обратиться к словам самой Люси Хордикайнен. Описывая сильные и слабые стороны своих братьев и сестры именно о себе, она пишет: «А я – не знаю [какая я. – Прим. В. Х.]. Вероятно, чухонка» (чухонцы, чухня – презрительно-бытовое обозначение ингерманландцев в Петербурге и российском Северо-Западе) [3, с. 56].

И хотя до 1850-х гг. людей с фамилией Хордикайнен в Гатчине не было, да и вообще, Гатчина исторически являлась и в дореволюционное и в советское время центром компактного проживания петербургских финнов (ингерманландцев). Таким образом, советской и пролетарской культуре семья Хордикайнен в целом чужда. Оба этих обстоятельства выстраивают особую парадигму отношения между девочкой-подростком и окружающим её социумом. Тем не менее годы советизации финнов не прошли безрезультатно, и Люся ясно и чётко на страницах дневника вписывает себя именно в советское общество. Тем важнее понимать её оценки и её отношение к оккупантам, тем значимее её самопрезентация именно как «советской девочки».

Поскольку данные дневниковые записи были опубликованы уже довольно давно (впервые в 1999 г.) возникает вопрос о целесообразности их использования в настоящей работе. Однако в более ранних работах акцент делался на реконструкции «типичной» жизни подростка в условиях оккупации [1; 7]. Параллельно с этим решалась задача описания повседневной жизни оккупированных нацистами городов. В данной работе делается акцент на изучении именно специфики «преломления», восприятия и «переиспользования» (термин, введённый Мишелем де Серто для обозначения способы адаптации дискурса власти рядовым обывателем) знания о больших исторических событиях в сознании детей и подростков, переживших немецко-фашистскую оккупацию и особенность восприятия и фиксации ими исторических событий вопреки навязываемым идеологическим установкам.

Основная часть

Антропологический поворот в истории стал прямым следствием стремления историков дать слово человеку обычному, «маленькому», рядовому участнику или свидетелю событий, или как говорил Мишель де Серто «человеку ординарности» [8]. Одним из важнейших «минусов» традиционного, событийно-исторического дискурса (при многочисленных его научных плюсах и явных эвристических выгодах) является обезличивание исторического события, утрата понимания того простого и сурового факта, что за любыми статистическими данными, за официальными отчётами и справками стоит реальная, «трепещущая» человеческая судьба, стоит живой человек. Потеря историей человеческого голоса, её лица вместе с тем приводит и к потере объёмного восприятия исторических событий, прежде всего таких страшных и разрушительных как Великая Отечественная война.

В связи с этим становится понятна значимость изучения истории военного детства. Ребёнок оказывается наиболее уязвимым перед войной (оккупацией как особым состоянием в структуре военного бытия) и наиболее подверженным её разрушительному влиянию. Его непосредственные, связанные с проживанием конкретных исторических событий, реакции, оценки, повседневные практики, конечно же, не могут содержать достаточный материал для формирования развёрнутой картины исторического события, но при этом, всегда содержат множество мелких, тонких, на первый взгляд едва уловимых деталей, которые при соотношении с данными других источников позволяют воспроизводить уникальные подробности эпохи, а иногда и лучше понимать и, уж точно, ярче демонстрировать различные аспекты соответствующего исторического явления. Подобные детали невозможно получить, обращаясь к источникам

любого иного рода. Это касается даже «родственных» личным дневникам источникам как мемуары и воспоминания, о чем скажем пишет Н. О. Фурсина [12].

Персонифицированное восприятие исторического события можно исследовать на основе различных источников личного происхождения, но важнейшим из них, наиболее информативным, эмоционально и символически насыщенным и (что часто бывает важно при проведении подобных исследований) содержащим конкретные данные, являются дневниковые записи. Личные дневники (включая фронтовые) как известно, довольно часто избегали цензуры и содержали глубоко интимные оценки, переживания, фиксации личного опыта, ценностей, обстоятельств повседневной деятельности, описание социально-бытовых и досуговых условий и пр. [16]. Все это является важной информацией, позволяющей осмыслить фон больших исторических событий и глубже изучить ценности и установки, советских граждан, собственно то, что помогло им не только выстоять и победить в годы страшной Войны, но и сохранить общество от распада и гибели.

При этом, когда мы анализируем дневники детей и подростков необходимо отметить, что к стандартному набору информации (указанному выше) добавляются данные о социальном опыте, широком спектре межличностных отношениях, иногда скрывааемых от взрослых переживаний. Но гораздо важнее, в этом случае, фиксация в дневниках малозаметных (и возможно внутренне противоречивых и даже не осознаваемых) реакций и оценок взрослых относительно тех или иных событий, государственной (или квазигосударственной) политики, бытовых обстоятельств и пр. Эти данные просачиваются в детские и подростковые дневники «контрабандой», вне осознанного желания маленьких авторов, в качестве указаний на фоновые характеристики их (автором) жизни.

Для верного понимания особенностей дневниковых записей как исторического источника очень важно указать на причину, побуждающую детей и подростков вообще вести дневники в подобных условиях. С высокой степенью уверенностью можно сказать (и это четко отражается как в дневнике Люси Хордирайнен, так и в других «блокадных» и «окупационных» дневниках), что главная мотивирующая сила к ведению дневников – это стремление вернуть некоторую (хотя бы иллюзорную) упорядоченность в свою жизнь, то есть, преодолеть хаос, вызванный войной и/или оккупацией. Таким образом, ведение дневников имеет прежде всего психологическое основание и удовлетворяет потребность в ощущении подростком некоторой предсказуемости жизни, организованности своего существования и мира как такового, поиска ориентиров и смыслов. Иными словами, дневник служит разрешению конкретных психологических задач. Дневник – одно из психологических средств для преодоления повседневных жизненных трудностей, которые принесла с собой та война.

Изучение практик повседневности как основного поля исторического исследования занималась Шейла Фицпатрик, в работах которой значительное внимание уделялось изучению форм повседневности [11].

Соотношением дневников и источников личного происхождения вообще с иными видами источников занимался С. В. Кодан [4]. Изучением особенностей эго-документов занимался Ю. Л. Троицкий [9]. В контексте исследования повседневности возможности дневников как источника всесторонне изучала С. В. Голикова, которой были введены несколько важных методологических новшеств [2]. Изучению детской повседневности на территории Северо-Запада России посвящены работы Е. Е. Красноженовой [5].

Дневниковые записи созданы Кривулиной Юлией Александровной (в девичестве Хордирайнен). Существовал также дневник её сестры-близнеца Софии Александровны Нуридджановой, однако он не сохранился. Последнее обстоятельство, конечно же очень прискорбно, так как сравнение этих дневников позволило бы провести уникальное исследование и чётче понять, как особенности восприятия мира войны и оккупации девочками подростками, так и осмыслить сам механизм отражения исторически значимой информации в подростковом сознании эпохи Великой Отечественной войны.

Дневник Люси Хордирайнен был направлен в своём оригинальном виде (в виде тетрадной рукописи) в Центральный государственный архив литератур и искусств Санкт-Петербурга в фонд Юлии Федоровны Тихомировой, матери сестёр Хордирайнен в 2006 г. Хронология опубликованных материалов завершается 9 мая 1945 г., тогда как в оригинале последняя запись 15 сентября 1946 г. Дневники неоднократно издавались под названием «Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордирайнен». Структура дневника простая, линейная – семь тетрадей, с последовательной хронологией описания событий.

Сестры Хордирайнен родились 16 апреля 1928 г. (на момент начала Великой Отечественной им по 13 лет). В семье были и другие дети – два брата Андрей (родился 10 апреля 1929 г.), Матвей (14 октября 1933 г.). До войны семья жила в городе Пушкине (Царское Село).

Уже проводя анализ содержания первых страниц дневника, мы сталкиваемся с первым важным обстоятельством. Оба родителя – отец, Хордирайнен Александр Матвеевич (1899–1943), уроженец Царского Села, по национальности петербургский финн (ингерманландец, инкерлайнен) по отцу, и поляк по матери и мама – Тихомирова Юлия Федоровна (1890–1979), уроженка города Рыбинска, русская по национальности работали в ленинградском отделении Центрального Бюро краеведения. Это немаловажный факт. Эта организация была учреждена в 1922 г. решением Первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края при тогдашней Академии Наук и подчинялась Наркомату просвещения РСФСР. Многие сотрудники Ленинградского отделения были известными сторонниками сохранения памятников дореволюционной культуры (позже мы встретим очень трепетное отношение дореволюционной культурной традиции на страницах дневника Люси Хордирайнен).

В 1929 г. против сотрудников ЦГБ фабрикуется так называемое «Академическое дело». Участников организации обвинили в участии в подпольной контрреволюционной монархической организации. Другом семьи Хордирайнен и даже крестным был известный краевед, один из авторов концепции «гуманитарного краеведения» Н. П. Анциферов, объявленный следствием одним из лидеров «монархистов-контрреволюционеров». Кроме того, в семье автора дневника довольно лояльно относились к религии. Родители Зоси и Люси были арестованы на волне этих репрессий 17 июля 1930 года и сосланы в Сибирь. Вернуться удалось только осенью 1934 г. Это обстоятельство важно учитывать при анализе содержания и стилистики дневника Люси Хордирайнен.

Комментарий С. А. Нуридджановой о причинах, побудивших их с сестрой вести дневник (Люся начинает вести дневник ещё до Войны) не опровергают, а скорее подтверждают наше предположение. «Маме удалось внушить нам, что писание дневника – естественная потребность культурного, интеллигентного человека. Хотелось ну хоть в чем-то приблизиться к своему крестному – Николаю Павловичу Анциферову: много читать или вот – писать дневник...»

[3, с. 5]. В таком указании ясно слышится голос постсоветского (взрослого) человека, интеллигента, осмысливающего своё прошлое и прошлое своей страны. Мы склонны видеть в акте ведения дневников девочками творческий жест, акт не только первичной самоидентификации, но и своего рода эскапизм, бегство от враждебной советской действительности и стремление защититься от враждебного социального окружения. Эта же мотивация определит в годы войны и оккупации решение продолжать вести дневник.

И по содержанию и стилистически разделы дневника Люси Хордикайнен, которые посвящены оккупации условно могут быть разделены на три группы фрагментов. Первая группа – описание восприятия хода боевых действий. Они легко верифицируются по данным архивных документов как советским, так и немецким. Эти фрагменты образуют устойчивый и легко узнаваемый узор описания войны. Однако, учитывая, что наблюдатель (собственно, сама девочка Люся) воспринимала информацию подобного рода (и в силу возраста, и в силу положения на оккупированных территориях) данные, содержащиеся в этих фрагментах, весьма скудны.

Вторая группа фрагментов – описание повседневности. Эти фрагменты эмоционально насыщены, содержат большое количество уникальных, частных подробностей быта, но при этом практически не верифицируется по данным официальных документов (хотя может быть соотнесено с типологически близкими текстами, например, с содержанием других дневников).

Третья группа особенная. Это фрагменты, связанные с реакциями на социальные процессы, на внешние изменения в окружающем социальном мире (включая реакции на идеологическую борьбу и пропаганду). В данной работе мы обратимся к анализу фрагментов из первой и третьей группы. Так, в одном из фрагментов за 1941 г. мы встречаем описание Люсей бомбёжек (описания не по-детски подробные и структурированные): «В саду дома № 3 рюкзак щель для укрытия от осколков. Мы сидели в щели (так в тексте дневника называется траншея, которую рыли жители города для укрытия от бомб и снарядов во время обстрелов. – Прим. В. Х.). В промежутках рыли свою. (...) через каждые четверть часа бегали в большую щель, потому что немцы бросали бомбы. Они летели в почту (совсем рядом с нашим домом) (...). Бомбардировки настолько сильны, что мы переходим в большую щель. Все наши тюки перенесены в неё. Спим мы, скрючившись, или, вернее, только дремлем» [3, с. 17].

Исторические события проявляются в тексте дневника только косвенно, через жизненно важные, бытовые и повседневные процессы. Так, в 1942 г. семья Люси была вынуждена переехать на новую квартиру. Вызвано было это непосредственными действиями нацистских войск, которые активно «обживали» город, структурировали его пространство под собственные нужды и потребности оккупационного управления. Важным методом такого структурирования являлась практика присвоения статуса «Запретная зона» наиболее стратегически важным улицам или районам города (намного реже, отдельным домам). Девочка отмечает: «Когда мы жили на Колпинской – теперь улица Пушкинская, – то противоположная нашей чётная сторона считалась запретной зоной. Теперь запретной зоной стали следующие два квартала. Пришлось искать новое жилище». Перевод той или иной улицы, или района на положение «запретной зоны» означал изгнание местных жителей.

К концу 1942 г. немецкая оккупационная администрация окончательно устанавливает новый порядок и вовлекает (кого-то агитацией, обещанием более выгодного положения, а кого-то угрозами) местное население к участию в жизни по новым правилам. Так, например, одна из записей от лета (точнее 30.07) 1943 г. фиксирует важное, хотя и неприметное на первый взгляд обстоятельство: «Мужчины, работающие на поле и в лесу, будут получать сухой паек, так что с обедом ходить не надо» [3, с. 51]. Использование сухого пайка для работающих советских граждан говорит о некоторой стабилизации и даже некоторой «оптимизации» как логистики, так и экономической и управленческой деятельности немцев на оккупированных территориях.

Записи мая 1943 г. изобилуют указанием на повышение активности советской авиации: «22.V.43. Но вдруг опять самолёт, и бомбы стали сыпаться совсем близко. Дом наш трясся. Я, точно сумасшедшая, выскочила в кухню, вопя: "Мамочки! Мамочки!" Напротив, нас тоже упала бомба, и несколько человек ранило». Далее советские самолёты называются в тексте «русскими». Например: «Сегодня около шести часов прилетел русский самолёт и кидал бомбы» [3, с. 51].

Май 1943 г. в этом смысле действительно был месяцем повышенной активности советской авиации. После завершения второй, февральской фазы наступательной операции «Искра» (точнее уже Красноборской операции и наступления в районе Смердыне), т. е. после конца марта 1943 г. бои снова начинают носить позиционный характер. В этой ситуации советское командование принимает решение концентрировать усилия на разрушении коммуникаций оборонительных позиций немецких сил и истощать сами немецкие воинские формирования путём систематической бомбардировки позиций противника.

Эти две записи, внешне не связанные между собой, могут побудить историка активнее исследовать усилия немецкого командования по восстановлению организации оккупационного управления и хозяйствования на захваченных территориях Ленинградской области.

Следующий фрагмент, условно включённый нами в третью группу фрагментов (реакции на социальные трансформации) позволяет углубить и расширить восприятие данного периода и уточнить положение советских граждан. Огромный интерес вызывает артикуляция страхов девочки. Чего может бояться подросток при обстрелах? К середине 1943 г. это уже не столько страх смерти или ранения, о чем бы мы подумали в первую очередь, сколько страх угона на принудительные работы в Германию. «8 VIII. Ночью стреляли ... Бабушка Дуня пошла на рынок, но вернулась, т. к. там разгоняют, потому что есть жертвы от утренней стрельбы. Я очень боюсь, чтобы это не было причиной для эвакуации мирного населения [в тексте так, однако очевидно, имелся в виду угон советских граждан в Германию]» [3, с. 53]. Сложно сказать, был ли страх смерти или ранения вытеснен, или «притуплен» постоянным присутствием соответствующей угрозы. Не сообщает маленькая Люся и о том, почему она связывает налёты советской авиации и угон советских граждан в Германию («эвакуацию» их). Одно можно сказать однозначно, страх этого был для неё значимым переживанием.

В оценках девушки заметны следы немецкой пропаганды: «Немцы в своей тактике часто применяют "плановое отступление"» и «...писалось об оставлении Орла» [3, с. 53].

3 сентября девочка зафиксировала следующее: «Около шести часов я была в полудремотном состоянии, когда прилетели самолёты. По ним стали стрелять, но безрезультатно. Я открыла окна и вышла в коридор. А бомбы летели непрестанно, всё время шипя, и при этом грохот от зениток. Неприятное ощущение! Эти самолёты улетели дальше,

прилетели другие, около семи штук. С них всё время строчили с пулемётов. Было такое впечатление, будто сейчас влетит в дом. Но и они улетели. Теперь моё писание сопровождается взрывами снарядов в запретной зоне, куда, по всей вероятности, попали бомбы» [3, с. 58].

20 сентября делается запись: «И тут случилось нечто, после которого я могла бы остаться там навсегда. Прилетел русский самолёт и сбросил две бомбы в очень близком от меня расстоянии. Мною овладело одно чувство – бежать! бежать! хотя это могло быть и пагубным. Я прибежала к канаве, в которой обосновалась уже какая-то парочка. (...) Дома все стекла выбило – таинственный полумрак» [3, с. 64].

Но есть у девочки и значительный интерес к советской политико-идеологической позиции: «23.4.44. прислали листовку от имени немцев и на немецком языке. Смысл заключается в том, что Гитлер – преступник в политике. Что война проиграна, что немцы потеряли сотни тысяч солдат и положение таково, что война может пойти на немецкой земле и что выход из окончательного разорения Германии и погибания других миллионов немцев может быть в окончании войны и отречении Гитлера — подписано «Свободная Германия» [3, с. 93].

Воспоминания Люси Хордикайнен свободны от описаний зверств нацистов, нет описаний казней мирного населения, образов расстрелянных, повешенных или угнанных в немецкое рабство советских граждан. Хотя архивные документы прямо и ясно свидетельствуют о нацистских злодеяниях. К числу таковых можно отнести документирующий преступления оккупантов в Гатчинском районе – «Акт вскрытия чрезвычайной комиссией Гатчинского района по расследованию немецких злодеяний массового захоронения в посёлке Строганов Мост Меженского сельсовета Гатчинского района» оставленный 6–8 октября 1944 г. [14, л. 11–16], в самом городе – Акт Гатчинской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории города о действиях карательных отрядов, лагерях на территории города и невыносимых условиях существования в них, о побоях, расстрелах, принудительных работах, уничтожении цыган от 14 ноября 1944 г. [13, л. 2–10 об.], о действиях карателей – Акт комиссии Даймищенского сельсовета Гатчинского района по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о действиях карательного отряда в дер. Заречье и расстрелах мирного населения 6 апреля 1944 г. [15, л. 30–30 об.].

Все мысли девочки сконцентрированы на проблемах выживания и вращаются вокруг тягот жизни её самой и её семьи. Тем не менее, в тексте дневника прослеживается стремление устранить из воспоминаний все травматические переживания, которые тем не менее, конечно же, дают о себе знать. Например: «Тетя Шура рассказывала, как все дяди жили в лагере [в Рождествено], как голодали и как их после выпуска возили из деревни в деревню» [3, с. 52].

Выводы

Детский дневник может быть признан особым, уникальным документом занимающим важное, хотя очевидно, не основное место в системе источников по изучению Великой Ответственной войны. Важность данного вида исторического источника для понимания бытовых особенностей повседневной жизни детей и подростков не вызывает сомнения и неоднократно уже изучался в исторической литературе. Гораздо больше нас интересует специфика преломления повседневной информации в сознании маленьких жителей оккупированных территорий, их особенности выстраивания своего существования в связи с внутренним конфликтом по линиям «реальность – идеологические установки», «старые идейные – новые идейные установки». Дети и подростки получали информацию о происходящем в городе и из разных источников (официальные из немецких средств массовой информации, альтернативные из слухов, устных рассказов и пр.), передавали друг другу некие знания (более или менее исторически достоверные) о действиях немецко-фашистских и войск, и сил Красной Армии. Эти знания настороженнее и сдержаннее, чем официальная информация, ибо от неё зависит сам факт выживания и самих участвующих в коммуникации и их близких.

Все эти тенденции присутствуют не только в дневниках детей советских партийных или военных управленцев, активных коммунистов, но и в дневнике дочери образованного репрессированного, интеллигентного финна-католика, далёкого от огульной поддержки советской партийной идеологии.

Указанное выше свидетельствует о том, что использование дневников может быть целесообразно в качестве достоверного и значимого исторического источника в сочетании с активным использованием официальных документов. Такой подход расширяет и уточняет, а не только позволяет иллюстрировать и комментировать события «большой истории» и даёт возможность изменять оптику исследования, расширяя тем самым его поле.

Список литературы

1. Агеева, В. А. Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М. Е. Галах-Муравьевой / В. А. Агеева, А. А. Волвенко // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2014. – № 2. – С. 325–330.
2. Голикова, С. В. Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбург на рубеже XVIII–XIX веков / С. В. Голикова // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. – Екатеринбург, 2001. – С. 35–46.
3. Жизнь в оккупации: Пушкин. Гатчина. Эстония: Дневник Люси Хордикайнен / публ. и комм. С. А. Нуриджановой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т, 1999. – 148 с.
4. Кодан, С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений / С. В. Кодан // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 3. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html (дата обращения: 08.05.2022).
5. Красноженова, Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации северо-запада России (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4 (69). – С. 51–57. doi: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.
6. Красноженова, Е. Е. Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942–1943 гг.) / Е. Е. Красноженова, С. В. Виноградов // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 55–65.
7. Пестравская, П. А. Проблема исторической ответственности исследователя в изучении детских дневниковых записей периода ВОВ (на материалах дневников Люси Хордикайнен и Леры Игошевой) / П. А. Пестравская // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I Междунар. научн. конф. 22–23 сентября. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – С. 139–146.
8. Серто, Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто. – Санкт-Петербург: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
9. Троицкий, Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т ист. и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: АСПУр, 2014. – С. 14–32.

10. Убушаев, В. Б. Строительство новых железнодорожных коммуникаций в период Великой Отечественной войны (на примере строительства железной дороги Кизляр – Астрахань в 1941–1942 гг.) / В. Б. Убушаев, С. В. Виноградов, Е. А. Иванова // Вопросы истории. – 2019. – № 12–3. – С. 124–130. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi64.
11. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-ые годы / Ш. Фицпатрик. – Москва : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 330 с.
12. Фурсина, Н. О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н. О. Фурсина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 280–285.
13. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 81.
14. Центральный Государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-489л. – Оп. 3. – Д. 44.
15. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-992л. – Оп. 3. – Д. 44.
16. Черепанова, Р. С. Личный дневник: уровни частного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) / Р. С. Черепанов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 49–54. doi: 10.14529/ssh180208.

References

1. Ageeva, V. A., Volvenko, A. A. Vojna i sud'by detej: po stranicam lichnogo dnevnika voennogo vremeni M.E. Galah-Murav'yovoj [War and the fate of children: according to the pages of M.E. Galakh-Muravyeva's personal wartime diary]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2014, no. 2. – P. 325–330.
2. Golikova, S. V. Dnevnikovyje zapisi kak istochnik po izucheniyu povsednevnoj zhizni Ekaterinburga na rubezhe XVIII-XIX vekov [Diary entries as a source for the study of everyday life in Yekaterinburg at the turn of the XVIII–XIX centuries]. *Uralskij gorod XVIII – nachala HKH v.: istoriya povsednevnosti*. [Ural city of the XVIII – early XX century.: the history of everyday life]. Yekaterinburg, 2001, pp. 35–46.
3. Zhizn v okkupacii: Pushkin. Gatchina. Estoniya: Dnevnik Lyusi Hordikajnen [Life under occupation: Pushkin. Gatchina. Estonia: The Diary of Lucy Hordikainen]. St. Petersburg: Saink Petersburg University, 1999, 148 p.
4. Kodan, S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenij [Sources of personal origin: the concept, place and role in the study of the history of state-legal phenomena]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* Genesis: historical research. 2014, no. 3. Available at: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. (accessed: 08.05.2022).
5. Krasnozhenova, E. E. "Detstva bolshe ne bylo": detskaya povsednevnost v period okkupacii severo-zapada Rossii (1941–1944 gg.) ["There was no more childhood": children's everyday life during the occupation of the North-west of Russia (1941–1944)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economy, culture]. 2021, no. 4 (69), pp. 51–57. doi: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.
6. Krasnozhenova, E. E., Vinogradov S. V. Voennyj Stalingrad v vospominaniyah sovremennikov (1942–1943 gg.) [Military Stalingrad in the memoirs of contemporaries (1942–1943)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2018, no. 12, pp. 55–65.
7. Pestravskaya, P. A. Problema istoricheskoj otvetstvennosti issledovatelya v izuchenii detskih dnevnikovyx zapisej perioda VOV (na materialah dnevnikov Lyusi Hordikajnen i Lery Igoshevoj) [The problem of historical responsibility of a researcher in the study of children's diary entries of the WWII period (based on the materials of the diaries of Lucy Hordikainen and Lera Igosheva)]. *Istoricheskaya otvetstvennost: ot mifov proshlogo k strategiyam budushchego* [Historical responsibility: from myths of the past to strategies of the future]. Yekaterinburg : Delovaya kniga; 2016, pp. 139–146.
8. Serto Mishel de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat* [The invention of everyday life. 1. The Art of making]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2013, 330 p.
9. Troickij, Yu. L. Analitika ego-dokumentov: instrumentalnyj resurs istorika [Analytics of ego-documents: an instrumental resource of a historian]. *Istoriya v ego-dokumentah: issledovaniya i istochniki* History in ego-documents: Research and Sources [History in ego-documents: Research and Sources]. Yekaterinburg: AsPur; 2014, pp. 14–32.
10. Ubushaev, V. B., Vinogradov, S. V., Ivanova, E. A. Stroitelstvo novyh zhelezodorozhnykh kommunikacij v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere stroitelstva zheleznoj dorogi Kizlyar – Astrahan v 1941–1942 gg.) [Construction of new railway communications during the Great Patriotic War (on the example of the construction of the Kizlyar – Astrakhan railway in 1941–1942)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2019, no. 12–3, pp. 124–130. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi64.
11. Ficpatrik, Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Socialnaya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-ye gody* [Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s]. Moscow: Foundation of the First President of Russia V. N. Yeltsin; 2008, 330 p.
12. Fursina, N. O. Praktika ustnoj istorii: detskie vospominaniya o Velikoj Otechestvennoj vojne [The practice of oral history: childhood memories of the Great Patriotic War]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2016, no. 1, pp. 280–285.
13. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found R-9421, inventory 1, case 81.
14. *Central State Archive of Historical and Political Documentation of St. Petersburg* (GAIPD SPb). Found R-489l, inventory 3, case 44.
15. *GAIPD SPb*. Found R-992l, inventory 3, case 44.
16. Cherepanova, R. S. Lichnyj dnevnik: уровни частного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) [Personal diary: levels of private and discourses of public (on the example of several diaries of the Soviet era)]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Socialno-gumanitarnye nauki* [Bulletin of SUSU. Series: Social and Humanitarian Sciences]. 2018, no. 2, pp. 49–54. doi: 10.14529/ssh1802.

Информация об авторе

Хазов В. К. – кандидат философских наук.

Information about the author

Khazov V. K. – Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.